

Диалектика взаимоотношений в триаде «язык – культура – межкультурная коммуникация»

Г.Г. Аврамов
(Россия)

El paradigma antropocéntrico actual considera que la lengua no es sólo un sistema estructural autosuficiente de signos –unidades básicas relacionadas entre sí según Ferdinand de Saussure– sino que también es una potente herramienta para transformar el devenir humano en un *ethnos*, el cual a su vez configura la nación a través de la conservación y transmisión de la cultura, las tradiciones y la autoconciencia colectiva de un determinado colectivo discursivo. El paradigma antropocéntrico actual considera que la lengua no es sólo un sistema estructural autosuficiente de signos –unidades básicas relacionadas entre sí según Ferdinand de Saussure– sino que también es una potente herramienta para transformar el devenir humano en un *ethnos*, el cual a su vez configura la nación a través de la conservación y transmisión de la cultura, las tradiciones y la autoconciencia colectiva de un determinado colectivo discursivo.

1. Проблема взаимодействия языковых и социокультурных процессов, которая имеет первостепенное значение в условиях глобализации экономического, политического и культурного аспектов международного сотрудничества, обусловила настоящий бум исследований по межкультурной проблематике вообще и по лингвокультурологическим проблемам в частности. Основной вывод из анализа обширнейшей лингвокультурологической литературы может быть сформулирован следующим образом: тема «язык и культура, язык и межкультурная коммуникация» очень сложна, многогранна и разнообразна. Однако при всех различиях в интерпретации соотношения языка и культуры, языка и межкультурной коммуникации, можно выделить то общее, что их объединяет. А объединяет их прежде всего то, что люди как носители разных языков и этнокультур по-разному смотрят на одни и те же предметы действительности и это различное видение навязано человеку родным языком, создающим таким образом языковую картину мира, которая у каждого этноса своя. Таким образом, в современной антропоцентрической парадигме язык рассматривается не только и не столько как сосюрская «вещь в себе и для себя», как некоторое самодостаточное системно-структурное образование, а как «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» (Тер-Минасова, 2007, с. 21). И как следствие этого «все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры» (Маслова, 2004, с. 8). Все это

позволяет представить соотношение языка и культуры как отношение части и целого, т.е. как функционирование языка в пространстве культуры. Соответственно, целью лингвокультурологии «как продукта антропоцентрической парадигмы в лингвистике» (там же) является выявить и системно описать «тот культурный фон, который стоит за единицей языка и который позволяет соотносить поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью» (там же, 4). При этом все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся наиболее наглядными и наиболее осознаваемыми при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей, родной, привычной, т.е. овладение языком как средством общения людей становится возможным при условии соизучения языка и культуры (Тер-Минасова, 2000, с. 34).

1.1. Однако, постулируя теснейшую взаимосвязь и взаимозависимость языка и культуры, не следует забывать о том, что соотношение этих двух феноменов общественной жизни носит не абсолютный, а относительный характер, проявляющийся в том, что язык – это не только культура, а культура – это не только язык. Поэтому следует избегать другой крайности, когда любое различие в сопоставляемых языках подводится, зачастую, искусственно, под различия в этнокультурной сфере функционирования языков. Так, например, вряд ли можно согласиться с С.Г. Тер-Минасовой, которая и наличие грамматической категории артикля в английском, французском и немецком языках, с одной стороны, и отсутствие артикля в русском языке жестко привязывает к интересу этих речевых коллективов к отдельной личности или предмету и связывает напрямую с категоризацией мира по такому параметру, как «один из многих» или «тот самый», «тот, о котором шла речь», «о котором я знаю», и ее значимостью для менталитета и идеологии людей, пользующихся языком. Из этого делается вывод, что категория артикля подтверждает и подчеркивает центральное место отдельной личности или предмета в культуре и идеологии Запада, сосредоточенных на интересе и уважении к индивидуальности (Тер-Минасова, 2007, с. 117). Как нам представляется, отсутствие артикля в русском языке не означает отсутствия в языковой картине мира носителей русского языка оппозиции концептов «один из многих» / «тот самый», «тот, о котором шла речь», «о котором я знаю», свидетельством чего могут быть предложения типа:

Вчера ко мне подошел **один** пожилой человек (= **un** vieil homme) и попросил помочь ему перейти на другую сторону улицы и Вчера на улице я встретил **того самого** пожилого человека (= **le** vieil homme), о котором ты мне рассказывал накануне.

Нам кажется справедливым замечание В.Г. Гака о том, что следует с осторожностью подходить к попыткам прямо связывать языковые формы с

самосознанием, с мышлением говорящего на нем народа. Вслед за В.И. Абаевым он различает «язык как идеологию, отражающую сознание и психологию говорящего на нем коллектива, и язык как технику, который может в дальнейшем «технизироваться», т.е. превратиться в чистую языковую форму (Гак, 2000, 60). Возможно, в древности артикли и отражали определенную категоризацию объектов действительности, но в современном языке их употребление «технизировалось», превратившись в стандартный способ представления имени как на уровне языка, так и на уровне речи. Поэтому следует дифференцировать различия в употреблении языковых форм, связанные с системно-структурными особенностями языка и языковые различия, обусловленные мироощущением, мировосприятием, психологией, одним словом, менталитетом носителей языка. В этом плане показателен пример употребления временной формы настоящего времени во французском языке по сравнению с русским во фразах типа:

Si tu fais un pas, je t'assomme (досл. Если ты делаешь еще один шаг, я тебя ударяю),

где в обоих случаях употребляется форма презенса вместо будущего времени. Однако причины этой замены различны: в первом случае сама структура французского языка не позволяет употребить будущее время после условного союза *si*, тогда как во втором случае употребление презенса – это результат свободного выбора говорящим. Поэтому только во втором случае можно говорить о том, что причина межъязыковой интерференции имеет отношение к социокультурным условиям функционирования данной языковой единицы. Однако, как уже неоднократно отмечалось в лингвистической, культурологической и когнитологической литературе, и в последнем случае возможно двоякое объяснение причин: чисто лингвистическое (а точнее, грамматическое), связанное с отсутствием в русском языке особой формы совершенного вида для выражения настоящего времени, вследствие чего оно заменяется будущим временем даже в том случае, когда настоящее время может быть использовано. С другой стороны, во французском языке с его тенденцией к употреблению форм более широкого значения форма презенса как самая широкая временная форма, будучи немаркированным элементом временной оппозиции, легко заменяет прошедшее и будущее время. Однако можно соотнести тенденцию французов к употреблению настоящего времени с психологией народа, который живет преимущественно в настоящем, тогда как в России люди в поисках ответа на вечные вопросы русской интеллигенции больше думают о прошлом (Кто виноват?) или о будущем (Что делать?) (Гак, 2000, с. 61; Маслова, 2005, с. 77). Таким образом, при изучении взаимодействия языка и культуры следует учитывать отмеченный выше диалектический характер взаимосвязи этих двух феноменов общественной жизни.

1.2. Другой не менее важной стороной взаимодействия языка и культуры является тот неоспоримый факт, что, поскольку носителем языка и культуры является человек, и прежде всего человек мыслящий, эти два феномена взаимодействуют не напрямую, а через посредство мышления, т.е.

между реальностью и языком стоит мышление <...> и путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания», и, таким образом, язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его видение и отношение к нему. <...> Однако именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит и передает ее из поколения в поколение (Тер-Минасова, 2007, с. 23).

Такое понимание теснейшего переплетения языка, мышления и культуры как неотъемлемых атрибутов *homo sapiens* с необходимостью потребовало поисков понятия, единицы, объединяющей все три феномена. Эти поиски лингвистов, культурологов и когнитологов привели к пониманию того, что такой элементарной ментальной единицей, в которой манифестируются и культура, и язык, является понятие *концепта* [Н.Д. Арутюнова, С. Аскольдов-Алексеев, С.Г. Воркачев, А.А. Залевская, В.И. Карасик, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.П. Нерознак, С.Х. Ляпин и мн. др.]. Междисциплинарный характер термина *концепт* привел к тому, что этот термин стал весьма распространенным и даже, можно сказать, «модным» не только в культурологии и когнитивной лингвистике, но и в других гуманитарных науках – таких, как философия, логика и др. При этом представители каждой из наук стараются вложить в этот термин именно свое понимание данного феномена. Следует отметить, что нет единства в понимании этого термина и в многочисленных исследованиях в области когнитивной лингвистики, где наблюдается «большой разницей в понимании самого термина *концепт*. Использование этого термина стало модным, что приводит к многочисленным терминологическим неточностям, противоречиям и терминологическим недоразумениям» (Попова, Стернин, 2002, с. 3). Поэтому можно сказать, что сколько исследователей, столько и определений данного понятия, и «... частотность использования слова ‘концепт’ может соперничать только с количеством разных его интерпретаций» (Прохоров, 2004, с. 13). Однако, несмотря на различие этих интерпретаций, в большинстве определений концепт определяется как дискретная, объемная в смысловом отношении единица, единица мышления или памяти, отражающая культуру народа. И как следствие –

выделяется понятие концептосферы как «когнитивного пространства» (Красных, 2003, с. 61) или как «упорядоченной совокупности концептов народа» (Попова, Стернин, 2007, с. 36). И в этом плане большое значение для решения проблем соотношения языка и межкультурной коммуникации имеет сопоставление различных национальных концептосфер между собой, что позволяет выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений языком и сознанием разных народов, выявить безэквивалентные концепты и концептуальные лакуны (отсутствие концепта).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В.И.* Понятия идеосемантики. Избранные труды. Владикавказ, 1995.
2. *Гак В.Г.* Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 54-68.
3. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
4. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. – Мн.: ТетраСистемс, 2005.
5. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд. стереотип. – М.: ИЦ «Академия, 2004».
6. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание. Вып.3. Воронеж, 2002.
7. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика – М.: АСТ:Восток-Запад, 2007.
8. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М., 2004.
9. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики... : учебн. пособие. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.